

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА, РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ И ПРОДУКТИВНОСТЬ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается возникновение и развитие личных форм глагола в речи детей, характеристики их продуктивного употребления, а также построение системы временных грамматических систем, которые образует ребенок при освоении грамматики родного языка.

N. Gagarina

RUSSIAN PERSONAL VERB FORMS, VERB PARADIGM DEVELOPMENT AND CREATIVITY IN CHILDREN'S SPEECH

The article touches upon origin and development of personal verb forms in children's speech, characteristics of their major usage and designing of the system of temporary grammatical models formed by a child during mastering grammar of a native language.

Несмотря на интенсивные исследования в области развития глагола в детской речи в последние десятилетия, многие вопросы остаются еще не до конца проясненными. Часть из них касается проблемы становления системы глагольных категорий и, в частности, критериев усвоения личных форм глагола. Данное исследование ставит целью проследить за возникновением и развитием личных форм глагола в речи детей примерно от двух лет, установить характеристики продуктивного употребления этих форм и построить систему временных грамматических систем, которые образует ребенок при освоении грамматики родного языка.

Модели усвоения родного языка; теоретическая база исследования. В настоящее время в лингвистике детской речи существует несколько ведущих теорий, объясняющих процесс усвоения грамматических категорий родного языка. Эти теории связаны, главным образом, с описанием различных сторон языковой способности и процессов вербализации ребенком явлений окружающего мира, с вопросом врожденности и «созревания» языковых категорий и строятся на основе двух (диаметрально) противоположных взглядов на процесс усвоения языка: 1) дети не имеют в своем арсенале «взрослых» грамматиче-

ских категорий, а сами конструируют грамматику родного языка¹ (конструктивистский, функциональный подход), 2) дети с самого начала оперируют набором «взрослых» (синтаксических) категорий, и процесс усвоения родного языка есть не что иное, как постепенное вовлечение этих категорий в речь² (генеративное направление, теория оптимальности)³. Исследователи, называющие себя структуралистами и конструктивистами полагают, что именно усвоение формальных средств маркирования грамматических значений и их дифференциация (усвоение грамматических категорий) ведет к постепенному усвоению ребенком комплексной структуры родного языка⁴.

В первом выделенном нами направлении существует довольно много различных точек зрения, различающихся отношением:

- к началу продуктивного конструирования морфологических форм и синтаксических конструкций;
- к способам усвоения грамматических категорий;
- к процессу овладения системой и нормой родного языка. Особенно остро дискутируется проблема взаимодействия различных факторов при усвоении ребенком личных форм глагола и при начале са-

мостоятельного конструирования грамматических форм (на основе моделей, извлеченных ребенком из инпута). Наиболее распространенные точки различаются определением возраста, в котором ребенок начинает сам конструировать личные формы глагола. Например, Томаселло⁵ полагает, что дети только после трех лет способны оперировать абстрактными грамматическими правилами, и что многие языковые единицы (словосочетания, целые речевые акты) дети усваивают путем имитативного заучивания или запоминания (*imitative leaning*). Мы же считаем, что процесс оперирования абстрактными морфологическими правилами начинается намного раньше, и что к трем годам ребенок уже свободно может конструировать словоформы на основе извлеченных из инпута и переработанных им правил. На это указывают наши данные и богатый арсенал детских лексических и грамматических инноваций⁶. Более того, наши данные показывают, что первые шаги в самостоятельном конструировании словоформ в русском языке делаются уже через несколько месяцев после появления глагола⁷. С типологической точки зрения усвоение системы личных глагольных форм в русском языке является для ребенка более легкой задачей (чем, например, системы личных форм немецкого глагола), так как в глагольной парадигме не наблюдается грамматической омонимии, а число аналитических конструкций ограничивается будущим временем несовершенного вида и конструкциями с модальными/фазовыми глаголами (наречиями). Кроме того, известно, что на процесс усвоения грамматики родного языка влияет доступность личной формы глагола в инпуте (частотность, транспарантность), так как дети стремятся к упрощению грамматических конструкций инпута⁸.

В качестве теоретической основы для исследования и описания грамматических категорий в данных детской речи мы используем основные положения и понятий-

ный аппарат теории функциональной грамматики⁹.

Дополнительно мы опираемся на так называемый интегративный подход (С. Н. Цейтлин), предусматривающий такой взгляд на детскую грамматику, при котором «языковое развитие ребенка может быть представлено как постепенная смена временных языковых систем, каждая из которых отражает собственную, также временную, когнитивную систему ребенка»¹⁰. Особенно важным поэтому кажется нам описание этих временных языковых систем (и личных форм) и грамматических категорий в диалектике их развития.

Материал исследования. Материалом для исследования послужили записи спонтанной детской речи, взятые из двух источников: 1) из ФДДР (Фонд Данных Детской Речи) кафедры детской речи, существующего под руководством С. Н. Цейтлин; 2) из электронной базы детской речи, создаваемой под руководством автора с помощью кодировщиков, М. И. Аккузиной и Е. К. Лимбах в течение последних лет [записи Ромы и Вани: примерно от 1 года 2 месяцев (далее возраст указывается следующим образом — год; месяц — 1;2) до 3;6, а также лонгитюдные записи Лизы, Вани и Вити (от 1;2 до 3;0, 3;6 и 4;0)]. Для морфологической кодировки данных была разработана (дополнительно к системе CHILDES¹¹) определенная система знаков кодировки. Для кодирования данных была адаптирована компьютерная программа MORCOMM, автоматически кодирующая (морфологические) категории основных частей речи¹². Объектом анализа явились предложения, имеющие в своем составе знаменательный (или вспомогательный) глагол.

Основные гипотезы

А. Появление глагола (как части речи) и его личных форм оказывает катализирующее воздействие на развитие всей грамматической системы ребенка. Кардинальные изменения в системе «детской» грамматики проявляются в появлении и развитии оппозиций, в усложнении компонентной

структуры детских высказываний и в зарождении согласования. Возникновение этих, а также других процессов ведет к усвоению грамматических категорий глагола и дальнейшему развитию грамматической системы ребенка.

Б. Периоды речевого развития определяются на основе уровня владения личными формами глагола (см. пункт А — катализирующее воздействие глагола на развитие грамматической системы). Овладевая русским языком, ребенок проходит три временные стадии перед началом продуктивного использования личных форм глагола и в целом морфологии. Внутри временных языковых систем не наблюдается взрывов и падений в грамматическом и лексическом развитии (изменения происходят плавно, так как идет качественное накопление лингвистического материала); «дисбалансировка» компонентов внутри грамматической системы наступает в конце каждого периода и служит толчком к переходной фазе. Положение о плавном и/или скачкообразном развитии грамматических категорий на ранних этапах, включающее обязательные фазы пересечений, когда имеют место процессы, характерные для двух периодов, может быть обосновано при помощи статистического анализа лонгитюдных данных.

В. Личные формы глагола на ранних этапах речевого онтогенеза являются воспроизведенными (а не самостоятельно сконструированными) и нечленимыми на морфемы. Само по себе наличие в речи ребенка, например, форм 3-го и 1-го лица единственного числа еще не означает, что категория лица является уже усвоенной.

В работе обосновываются критерии, на основе которых можно было бы определить, является ли личная форма глагола продуктивной, т. е. самостоятельно сконструированной ребенком, или же только воспроизведенной. Грамматическая категория глагола может, по-видимому, считаться усвоенной, когда ее формальное выражение и внутреннее содержание мо-

жет быть проанализировано на основе нескольких десятков лексем, принадлежащих к разным лексико-семантическим группам. При формировании морфологической системы ребенка (особенно на ранних стадиях онтогенеза) наблюдается тесная взаимозависимость в развитии лексикона и морфологии. В то время, как наблюдается активное обогащение лексикона, замедляется развитие личных форм глагола. На ранних этапах онтогенеза исключается одновременное начало интенсивного развития грамматики и лексикона (резкое увеличение количества новых лексем или контрастных форм чередуются). Следовательно, интенсификация усвоения лексических единиц и их форм происходит попеременно.

Описание результатов. Описание результатов разделено на две части: а) первые глагольные лексем и их личные формы, б) первые глагольные оппозиции (оппозиции, состоящие из трех форм, условимся называть *минипарадигмами*¹³).

Первые глагольные лексем и их личные формы появляются на фоне преобладания существительных в раннем словаре детей. Так, на момент появления глаголов дети уже имеют в лексиконе значительный набор имен существительных (см. списки лексем ниже):

Лиза (магнитофонные записи):

1;6: *мама, папа, дядя, чай*;

1;7: добавляются *чайник, цветок, галка, Лиза, кака, заяц* (всего 13 словоформ и 35 словоупотреблений) и только 1 глагол (1 тип/1 употребление) *отдай*;

1;8: добавляются *астрочка, дождь, дед, дырка* (всего 48 словоформ и 66 словоупотреблений) — уже 10 глагольных форм и 13 словоупотреблений.

Рома:

1;8: *баба, дядя, корова, машинка, мышка, папа, тата* (глаголов нет);

1;10: добавляются *мишка, нос, пуговица, свет, трактор, Таня...* (словоформы 17, словоупотребления 40) и 3 глагольные формы, 4 словоупотребления, ср.:

Количество словоформ/словоупотреблений имен существительных

Ребенок	Месяц перед появлением глаголов	Месяц, когда появились глаголы
Лиза	11/34	32/66
Рома	7/21	16/40
Ваня	28/82	32/107

Первые глаголы могут относиться как к совершенному, так и к несовершенному видам, причем глаголы несовершенного вида преобладают над глаголами совершенного вида: Ваня 24 и 18, Лиза 43 и 34, Рома 21 и 16. Набор первых глагольных лексем достаточно однороден (Лизин лексикон отличается большим разнообразием): это, главным образом, кон-/деструктивные глаголы, глаголы движения и состояния. Глаголы обозначают как предельные, так и неопредельные действия, чаще всего связанные с моментом речи. Первые глаголы, употребляемые детьми, имеют окончания настоящего и/или прошедшего времени, причем глаголы совершенного вида, как правило, употребляются в форме прошедшего времени, а глаголы несовершенного вида – в форме настоящего времени 3-го лица (ср. сходные наблюдения Ю. А. Пупынина¹⁴, сделанные на другом материале). Например, *упала, залезла, сломал и спит, копают, гуляет*. Примечательно, что в речи всех детей порядок появления личных форм глаголов одинаков: формы 3-го лица, затем формы 1-го лица и в заключение – формы 2-го лица (аналогичный порядок появления лица характерен и для других языков)¹⁵.

В первые два месяца после начала употребления глаголов инфинитив и императив преобладают над личными формами глагола, так, в речи всех детей встречается *дать и дай, рисуй, сядь/садись, смотри* и т.д. Также как и изменение количества предложений, содержащих глаголы, которое характеризуется спадами и подъемами, развитие глагольного словаря происходит неравномерно. Плавное или резкое увеличение числа словоформ и словоупотреблений

сменяется падением количества новых глаголов, употребляемых детьми. Примечательно, что в речи всех трех детей можно наблюдать соотносящиеся изменения: при активном приросте глагольных лексем уменьшается количество глаголов, которые имеют несколько личных форм. То есть словарный взрыв (*vocabulary spurt*): маркированное увеличение отношения количества новых слов к продуктивному лексикону ребенка¹⁶, происходит перед взрывом в развитии личных форм глагола.

Первые глагольные оппозиции (личные формы глагола) возникают с небольшим временным отставанием от начала употребления первых глаголов. Эти глагольные оппозиции, или контрастные формы, являются предвестниками формирования глагольной парадигмы, и количество их на ранних этапах онтогенеза еще очень мало. Поэтому нам представляется необходимым различать глаголы, которые имеют две и три личные формы. Первые контрастные формы (КФ)¹⁷ появляются через несколько недель (Ваня), месяц (Рома) и два месяца (Лиза) после употребления ребенком первого глагола. Контрастные формы появляются, когда количество предложений с глаголами достигает 12% (Рома и Ваня) и 18% (Лиза) от общего числа анализируемых высказываний. При этом их абсолютное число (и состав глагольного словаря) может сильно различаться. Так, словарь Лизы к моменту появления контрастных форм состоял из 11 глаголов, Вани – из 4 глаголов (плюс *дать*), а Ромы – из 7 глаголов. Первые личные формы одного и того же глагола появляются в так называемый период воспроизводства, когда ребенок еще не

конструирует личные формы самостоятельно, а только лишь «повторяет» их, извлекая из своего «инфлектикона» (инфлектикон — набор изменяемых форм одной лексемы, употребляется здесь по аналогии с термином лексикон). Так, Ваня в момент появления глаголов в возрасте 2;1 употреблял глагол *спать* в двух контрастных формах: *спит* и *спать*. Так как количество контрастных форм с возрастом все время увеличивается, может создаться впечатление, что ребенок уже самостоятельно конструирует формы и строит глагольную парадигму. Так, Ваня в 2;2 употребляет глагол *гореть* (о фарах) в формах единственного и множественного числа 3-го лица, однако эти формы представляют собой всего лишь воспроизведение флективных форм инпута, а не самостоятельное конструирование на основе абстрактных морфологических операций. В предложениях, где Ваня описывает горящие фары, нет подлежащего, кроме того, в речи не зафиксировано никаких других глаголов в формах единственного и множественного числа 3-го лица. Интересно, что при возникновении контрастных форм абсолютное число употребляемых ребенком глаголов, кажется, не имеет большого значения, и процентное соотношение глагольных предложений, по-видимому, не должно достигать какого-то определенного уровня. По-другому обстоит дело с появлением минипарадигм (под минипарадигмой, далее МП, понимается набор как минимум трех фонологически различных форм одной и той же лексемы, воспроизведенных ребенком спонтанно в течение одного месяца¹⁸. Минипарадигмы появляются только тогда, когда количество глагольных предложений достигает определенной доли в речевой продукции ребенка. Полномасштабное употребление парадигм, т. е. продуктивных личных форм глагола начинается тогда, когда предложения в глаголами достигают как минимум одной пятой всей речевой продукции ребенка, глагольный словарь включает в себя 40–50 глаголов и дети начинают упот-

реблять двусловные предложения, содержащие подлежащее.

Что же общего имеется в первых личных формах глаголов в КФ и МП у трех детей? Интересно, что мы обнаружили намного больше сходства в КФ, чем в первых МП. Так, набор первых КФ у детей одинаков и состоит из инфинитива и императива (СВ и НСВ), инфинитива и форм 3 ед. ч. (НСВ), форм прошедшего времени (СВ, и НСВ — у Лизы, что довольно нетипично). В начальных КФ используются две основы — открытая и закрытая, чаще всего дети «эксплуатируют» глаголы продуктивных классов, основы которых не требуют значительных изменений при переходе от инфинитива к личным формам. Большим разнообразием отличаются формы первых МП. Так, первые самостоятельно конструируемые формы глагола представлены формами первого и третьего лица единственного числа, формами прошедшего времени. Эти формы употребляются в простых двусоставных предложениях, характеризующихся верным согласованием, например, *стоит тетя, стоят машины* или *антенна горит, фары горят* (Ваня 2;2). Примечательно, что многие глаголы, контрастные формы которых мы находим на ранних стадиях онтогенеза, не входят в состав МП на более поздних этапах (этим русский язык отличается от других языков).

Дискуссия. Первые глаголы в детской речи употребляются в форме инфинитива, императива и в форме 3-го лица настоящего/будущего времени — несовершенного/совершенного вида соответственно. Так как уже на самых ранних этапах онтогенеза дети употребляют различные формы одной и той же глагольной лексемы, так называемые контрастные формы, то возникает проблема разграничения форм, самостоятельно сконструированных, продуктивных и произведенных по аналогии. При определении того, являются ли контрастные формы минипарадигмами необходимо учитывать тот факт, принадлежат ли данные формы к одной и той же или раз-

личным частным парадигмам и в каких контекстах они употребляются.

Начальные детские парадигмы состоят всего из нескольких (двух и реже трех-четырех форм) форм, и, чтобы отличить контрастные формы какой-либо одной глагольной лексемы от истинной парадигмы и определить начало продуктивного использования личных форм глагола, нужны дополнительные критерии. Первое, для русского языка минимальным достаточным количеством форм может быть наличие всего лишь двух флективных форм при добавочном условии — наличии согласования глагола с подлежащим в двусоставном предложении. Второе, продуктивной может считаться парадигма, насчитывающая четыре формы, образованные как от открытой, так и от закрытой основы глагольной лексемы. Кроме того, данное определение должно терять объяснительную силу на определенной стадии грамматического развития, когда имеются независимые доказательства того, что ребенок уже самостоятельно (и продуктивно) конструирует флективные формы.

Заключение. Появление личных форм глагола в детской речи не обязательно свидетельствует об усвоении глагольных категорий, а может только в некоторых случаях сигнализировать начало процесса их усвоения. Считается, что начальные личные формы воспроизводятся, а не конструируются детьми, т. е. они не членимы на части и «не осознаются» как состоящее из компонентов целое. В этих формах, следовательно, отдельные глагольные категории еще не оформились в самостоятельное целое, еще не расчленились, они как бы существуют в аморфной связке с другими категориями и только еще готовятся к самостоятельному сосуществованию. Так, на основе появления форм совершенного и несовершенного видов (а эти формы появляются обычно одновременно) мы не можем говорить о появлении категории вида у ребенка, а наличие форм 3-го лица единственного и множественного числа еще не

свидетельствует о наличии категории лица. Представляется, что основанием для утверждения о том, что та или иная категория начинает усваиваться, должен быть целый ряд факторов, учитывающий специфику той или иной категории. Этот ряд факторов может служить комплексной системой критериев продуктивности, критериев, которые служат вспомогательным механизмом определения усвоения той или иной глагольной категории. Далее мы предлагаем некоторый комплекс этих критериев или параметров, на основе которого можно проследить за развитием личных форм глагола и продуктивностью их употребления, в свою очередь, ведущих к усвоению глагольных категорий, и можно построить периодизацию развития грамматической системы родного языка¹⁹:

1. Глагольная лексика:

- звукоподражания — предвестники глагола (только для первого периода);
- производство глагольных предложений, соотношение глагольной и неглагольной лексики в детских высказываниях;
- появление новых (ранее не употреблявшихся) глагольных лексем;
- видовые пары;
- способы действия (глаголы морфемно характеризованных способов действия);
- употребление синонимичных глаголов;
- наличие лексических инноваций;
- метафорическое употребление глаголов, фразеологические обороты;

2. Глагольные формы и их значения:

- контекстно-правильное употребление спрягаемых форм;
- инфинитивные формы: развитие от «опциональности» к нормативному употреблению;
- соотношение употребления форм вида и времени;
- наличие противопоставленных форм, появление предвестников минипарадигм (см. определение в словаре специальных терминов в конце работы), возникновение и развитие парадигматических связей;

- микроклассы глаголов, переход от одной основы к другой;
 - синтетические и аналитические формы, модальные формы;
 - влияние диалогического (грамматического) контекста на наличие ошибок в употреблении грамматических форм;
 - грамматические ошибки, связанные с употреблением и образованием форм: неверное употребление инфинитива и спрягаемых форм глагола в неконвенциональных контекстах, нарушение согласования при построении предложения с подлежащим и инновации (ошибки в формообразовании);
3. Состав предложений с глаголами:
- количественные изменения в компонентной структуре;
 - предложения с подлежащим;
 - аргументная структура глагольного предложения;
 - возникновение и развитие сложных (и полипредикативных) предложений.
- При этом с момента появления контрастных форм до начала самостоятельного конструирования ребенком парадигмы у детей, имеющих разную «тактику» освоения грамматической системы родного языка, происходят похожие значительные изменения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Dressler W. U. Introduction / K. Dziubalska-Kořaczyk // Pre- and Protomorphology in Language Acquisition. Papers and Studies in Contrastive Linguistics. — 1997. — N 33 — P. 7–14; Slobin D. The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 2: Theoretical Issues. — Hillsdale, 1985; Tomasello M. Constructing a Language. — Cambridge, 2003; Цейтлин С. Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). — СПб., 1989; Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. — М., 2000.

² Poeppel D., Wexler K. The Full Competence Hypothesis of Clause Structure in Early German // Language. — 1993. — N 69. — P. 1–33; Weissenborn J. Functional Categories and Verb Movement: The Acquisition of German Syntax Reconsidered / M. Rothweiler // Spracherwerb und Grammatik. Linguistische Untersuchungen zum Erwerb von Syntax und Morphologie. — 1990. — P. 190–224; Borer H., Wexler K. The Maturation of Syntax / T. Roeper and E. Williams // Parameter Setting. — 1987. — P. 123–172; Wexler K. The Development of Inflection in a Biologically Based Theory of Language Acquisition: Toward Genetics of Language. — Mahwah, NJ, 1996.

³ Так как автор исследования придерживается конструктивистской точки зрения на процесс усвоения ребенком родного языка и предполагаемая работа строится с привлечением терминологического аппарата и основных положений теории функциональной грамматики, то второе направление будет рассмотрено в работе только в связи с основным, первым.

⁴ Jakobson R. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze. — Frankfurt am Main, 1944; Dressler W. U., Karpf A. The Theoretical Relevance of Pre- and Protomorphology in Language Acquisition: Yearbook of Morphology. — 1994, 1995; Slobin D. The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 2: Theoretical Issues. — Hillsdale, 1985; Karmiloff-Smith A. Beyond Modularity: A Developmental Perspective on Cognitive Science. — Cambridge (MA), London, 1995.

⁵ Tomasello M. The Item-Based Nature of Children's Early Syntactic Development / M. Tomasello and E. Bates // Language development: The essential readings. — Malden, Mass./Oxford: Blackwell, 2001.

⁶ Цейтлин С. Н. 1989. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). — СПб., 1989.

⁷ Gagarina N. The acquisition of aspectuality by Russian children: The early stages / A. Alexiadou, N. Fuhrop, U. Kleinhenz and P. Law // Papers on language change and language acquisition. — 2000. — P. 232–246; Gagarina N. The early verb development and demarcation of stages in three Russian-speaking children / D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch // Development of Verb Inflection in First Language Acquisition. A Cross-Linguistic Perspective. — 2003. — P. 131–169.

⁸ *Aksu-Koç, A.* The Acquisition of Aspect and Modality: The Case of Past Reference in Turkish. — Cambridge, 1988.

⁹ *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. — М., 2002; *Бондарко А. В.* (отв. ред.) Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л.: Наука. 1980; *ТФГ–1987.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л., 1987.

¹⁰ *Цейтлин С. Н.* «Взрослая» и «детская» лингвистика: Некоторые размышления. In Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.). — СПб., 2001.

¹¹ *Macwhinney B.* The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. — New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2000.

¹² *Voeikova M.* Russian existential sentences: A functional approach. — LINCUM Studies in Slavic Linguistics. München: LINCUM Europa. — 2000; *Gagarina N., Voeikova M. and Gruzincev S.* New version of morphological coding for the speech production of Russian children (in the framework of CHILDES) / P. Kosta, J. Blaszczak, J. Frasek, L. Geist und M. Zygis // Investigations into Formal Slavic Linguistics. — 2002. — P. 243–258. Система подвергалась изменениям в процессе сбора данных детской речи в течение трех лет. Работа по ее усовершенствованию продолжается и в настоящее время.

¹³ *Kilani-Schoch M., Dressler W. U.* The emergence of verb paradigms in two French corpora as an illustration of general problems of pre- and protomorphology. — Wien: Poster presented at the 9th International Morphology Meeting. — 2000.

¹⁴ *Пупынин Ю. А.* Усвоение системы русских глагольных форм (ранние этапы) // Вопросы языкознания 1996. — № 3. — С. 84–94; *Пупынин Ю. А.* Элементы видо-временной системы в детской речи // Вопросы языкознания. — 1998. — № 2. — С. 102–117.

¹⁵ *Bittner D.* The emergence of verb inflection in two German-speaking children / D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch // Development of verb inflection in first language acquisition. A cross-linguistic perspective. — 2003. — P. 53–88.

¹⁶ *D’Odorico L., Carubi S., Saleri N., Calvo V.* Vocabulary development in Italian children: A longitudinal evaluation of quantitative and qualitative aspect // Journal of Child Language. — 2001. — N 28. — P. 351–372.

¹⁷ КФ — это первые контрастные (две — четыре формы) одного глагола, воспроизведенные по аналогии с формами, извлеченными из инпута (*rote-learned forms*), и встречающиеся на определенном этапе развития грамматической системы ребенка; так называемом этапе воспроизводства форм (*pre-morphology* в терминологии В. Дресслера) флективных форм.

¹⁸ *Bittner D., Dressler W. U., Kilani-Schoch M.* Introduction / D. Bittner, W. U. Dressler and M. Kilani-Schoch // Development of verb inflection in first language acquisition. A cross-linguistic perspective. — 2003.